

Благодаря сохранившимся в государственном архиве Оренбургской области подшивкам местных газет, мы восстановим хронику событий в Оренбуржье осенью 1917 года — начала 1918 года.

«Будем бороться против самочинного захвата власти»

«Странное время мы переживаем! — восклицал в сентябре 1917 года сотрудник только что учреждённой газеты «Южный Урал» (издание Союза союзов кредитных кооперативов «Народное дело»), — Что бы ни случилось, какое бы несчастье не постигло Россию, русского человека ничем не прошибёшь. Как будто то, что творится в России, нас не касается.

Мало того — нам скучно, что событий так мало и так медленно они развиваются. Ежечасно поступают телеграммы о кровавой затее Корнилова, но они противоречивы: никто не знает, что правда,

что неправда. А обыватель злится: «Чепуха, а не бунт! То Керенский, то Корнилов арестован!» То один убит, то другой... Даже толком перестрелять друг друга не могут...» И пьют, и говорят, позёвывая, и о том, что сделал Корнилов, и о том, какая мода для дамских панталон... Пир во время чумы, да и только!»

Чуть позже «Оренбургский казачий вестник» познакомил читателей с циркулярной телеграммой губернского комиссара, обязывающей местные власти «принять все меры, до применения вооружённой силы включительно, против всяких попыток контрреволюции». Особо подчёркивалось, что «все собрания, митинги, уличные обсуждения событий запрещаются, кроме тех, которые организуются советами».

Довольно оперативно «Южный Урал» напечатал репортаж с войскового круга оренбургских казаков: «2 октября (15 октября по новому стилю — Т.С.) у знаменной избы (находилась на территории современного нам Оренбургского государственного аграрного университета — Т.С.) состоялась церемония вручения войсковым Кругом булавы — знака атаманской власти избранному войсковому атаману старшине Александру Ильичу Дутову. К часу дня на войсковой площади собрался Круг во главе с новым атаманом и войсковым правительством. Потом на площади выстроились с двумя оркестрами музыки кадеты, юнкера, два запасных полка и конная батарея.

Торжественное шествие Круга и всех войсковых частей в предшествии войсковых знамён тронулось к Георгиевскому собору, где отслужен молебен и вернулось на площадь, где войсковому атаману под салют батареи вручена булава и грамота от круга следующего содержания: «Первый свободный войсковой Круг, созданный на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, избрал тебя нашим войсковым атаманом на трёхлетие и приказывает тебе, народному избраннику, править войском совестно с избранным нами войсковым правительством на славу и процветание родного Оренбургского казачества и свободной Руси...»

Из заметки корреспондента «Южного Урала» следует, что в тот же день прошло общее собрание большевиков, принявшее резолюцию, завершающуюся словами: «Мы решительно будем бороться против самочинного захвата власти буржуазными элементами при преступном попустительстве партий социал-революционеров и меньшевиков».

«Случаи воровства, грабежей и убийств участились»

Большая часть третьей страницы номера «Южного Урала» за 26 октября (здесь и далее даты приводятся по новому стилю — Т.С.) 1917 года занята публикацией сообщения губернского комиссара, направленного российскому министру внутренних дел, в котором есть и такие строки: «Собравшийся

в Оренбурге чрезвычайный войсковой Круг с первого заседания запретил слово «товарищ». При дальнейшем обсуждении текущего политического момента проявил отрицательное отношение к советам солдатских депутатов. В городе замечаются признаки повышенного настроения, вызванного недостатком продуктов...»

Действительно, продовольственная проблема была одной из самых сложных, и потому в ней пытались разобраться многие газетчики: «В последнее время Оренбург переживает острую нужду в продовольствии и, чего прежде не замечалось, недостаток в хлебе. Последний выдаётся по карточкам по одному фунту (около 400 г. — Т.С.) на едока. При отсутствии других продуктов питания этого количества совсем недостаточно для насыщения»; «На почве прекращения продажи муки среди населения города происходит волнение. Толпа возбуждённо настроенных женщин явилась в городскую управу, вызвала городского голову и угрожающе требовала выдачи муки. Толпа продолжала долго волноваться, и только видя бесплодность своих требований, мало-помалу разошлась».

Оренбуржцев часто огорчали сведениями о повышении цен на продукты. Сначала сообщили об удвоении цен на печёный хлеб, т.е. фунт хлеба стал стоить 25 копеек. В октябре 1917 года обнародованы «новые твёрдые цены»: свинина стоила от 22 до 40 рублей за пуд, сало солёное — 56 рублей за пуд.

Губернская продовольственная управа получила указание о реквизиции хлеба «в случае недачи в установленные сроки». Раздел «Продовольственная хроника» газеты «Южный Урал» тогда пестрел сообщениями: «Благодаря принятым энергичным мерам в Оренбурге ежедневно отыскиваются спрятанные запасы хлеба, которые реквизируются», «В Орске до сих пор не получен сахар для выдачи за сентябрь, что вызывает серьёзные волнения среди населения», «Сельское население отказывается подвозить хлеб, мотивируя отказ отсутствием мануфактуры, заявляя, что они дадут хлеб даже за 2 рубля, если город даст им ситец по 40-50 копеек за аршин» (аршин: около 71 см — Т.С.). Огромными буквами на первой странице «Южного Урала» в начале октября 1917 года напечатано: «Оренбургским обществом «Самопомощь» получена партия солёных груздей, которые временно продаются без нормировки».

Сообщая об ограблении Преображенской церкви, журналист с горечью заметил: «Вообще, случаи воровства, грабежей и убийств в Оренбурге участились».

Репортаж из осени 1917 года о встрече чудотворной Табынской иконы Божьей Матери сохранил для нас такие строки: «Встреча была так же торжественна, как и в предыдущие годы. Этот день показал, что святыни народные всегда останутся святынями и никакой яд безверия, усердно прививаемый непрошенными

учителями, не вытравит из него чувства веры».

«Состояние лавок на Конно-сенной площади — крайне антисанитарное»

Высшему органу местной власти того времени приходилось решать самые разные вопросы.

Одно из лучших мест на первой странице «Южного Урала» отдано объявлению о том, что «состоится в здании городского самоуправления общее собрание домовладельцев и участников займа на устройство городской канализации для обсуждения текущих дел и вопроса об открытии канализации в нынешнем году».

Через газеты губернский комиссар обратил внимание оренбургской городской управы на «крайне антисанитарное состояние мясных лавок на Конно-сенной площади — Зелёный базар (сейчас территория вокруг Центрального рынка — Т.С.). Сор не убирается, повсюду разбросаны мясные обрезки, кучи костей, которые загнивают и издают зловоние».

Оренбургский журналист счёл нужным сообщить: «Совет солдатских депутатов обратился в городскую управу с просьбой принять меры к тому, чтобы у извозчиков на экипажах была прибита такса, ибо отсутствие таковой создаёт конфликты между пассажирами и извозчиками. Неимоверные цены особенно чувствительны для приежающих по железной дороге».

Протест жителей улицы Ефимовской (Аренда) обнародован 7

ноября — они просили управу не допускать у них постройки кожевенного завода.

Цель митинга — подписка на заём свободы

Несмотря на трудности, оренбуржцы не забывали о тех, кто нуждался в помощи. Через «Южный Урал» мусульманский военный комитет благодарил граждан Оренбурга, пожертвовавших 173 рубля на праздничные подарки солдатам-мусульманам. Среди благотворителей — известные своей щедростью купцы Дюков, Зарывнов, Серяков.

Концерт «в пользу земской фельдшерско-акушерской школы при участии лучших музыкальных сил» состоялся осенью 1917 года в зале «Декаданс» (ныне в этом помещении на перекрёстке улиц Советской и Володарского Оренбургский государственный татарский театр — Т.С.). Правление союза женщин организовало кружечный сбор «в пользу русских военнопленных, находящихся в австро-германском плену».

Не утихала в губернском центре и культурная жизнь, хотя некоторые развлекательные мероприятия носили революционную окраску. Автор одной из корреспонденций «Оренбургского церковно-общественного вестника» под заголовком «Издательство или кощунство» извещал: «На днях в женский монастырь явился неизвестный в солдатской форме, назвавшийся членом секции разумных развлечений при

совете солдатских депутатов и потребовал выдать ему мантии, как костюмы, необходимые для постановки спектакля. Получив категорический отказ, неизвестный артист, уходя, пригрозил принять более энергичные меры воздействия».

И хотя в «Южном Урале» печаталась информация о том, что «в нотном и музыкальном магазине Новицкого получена боевая новинка для пения с фортепиано «Вперёд» (пошады нет врагам отчизны). Баллада. Цена 75 копеек», то же издание радовало жителей губернского центра многочисленными объявлениями, напоминающими о мирном времени: «Музыкальные курсы свободного художника В.Н. Федотовой-Малиновской (это тётя великого музыканта Мстислава Ростроповича — Т.С.). Возобновился приём учеников по специальностям: рояль, скрипка и пение соло».

Управляющий цирком Камухина зазывал оренбуржцев на «особо выдающееся представление», интригуя объявлением на первой странице «Южного Урала»: «Первый дебют известной Дамы-Борца (родной сестры известного чемпиона мира Ивана Поддубного) Марии Поддубной. Кроме того, 8-й день международного дамского чемпионата французской борьбы». Согласно афише «по жребию» боролись представительницы Нидерландов, Польши, Румынии и чемпионка Европы Морозова.

Любителей киноискусства несомненно тогда заинтересовала

реклама, размещённая в «Южном Урале»: «Электротheater «Аполло» ставит колоссальную программу. Сенсация 1917 года — «Борьба за счастье» — художественная драма с участием лучших артистов столичных театров. Сверх программы говорящая картина «Перемирие после боя на Марне». А вот содержатели электро-театра «Кино-Палас» вынуждены были сообщить, что «ввиду постановления городской думы о прекращении отпуска энергии, театр будет временно закрыт».

На 2 ноября 1917 года в городском театре назначен митинг-концерт симфонического оркестра гвардии вольнского полка. В программе: «Ромео и Джульетта» Чайковского, «Золотой петушок» Римского-Корсакова. Речи произнесут виднейшие местные политические и общественные деятели, члены совета рабочих и солдатских депутатов...» Цель митинга — подписка на заём свободы.

Один из журналистов тогда же писал: «В цирк Камухина стала ломиться большая толпа солдат, не имеющих билетов. Когда же администрация цирка заперла входные двери, в толпе появились тёмные личности в штатском платье, агитировавшие против «богатых, занимающих в цирке первые места». В результате входные двери были разбиты, разбиты также помещение для кассы, электрические лампочки и фонари, благодаря чему чуть не произошёл пожар. Солдаты тащили всё, что попадало под руки, вплоть до старых афиш. К месту

происшествия вызван начальник милиции и казаки, безобразий допущено не было, хотя погромные агитации продолжались».

Деятельность различных научно-просветительных обществ и учреждений осенью 1917 года не только не приостановилась, она приняла новые формы. Об открытии бесплатных курсов по обучению грамоте населения Оренбурга «Южный Урал» рассказал 3 ноября. Рядом с публикацией о готовящемся в Петрограде выступлении большевиков то же периодическое издание 7 ноября помещает заметку о собрании оренбургских библиотекарей, на котором выяснилось, что «библиотеки буквально переполняются детьми школьного возраста и подростками. При 3-й библиотеке функционирует детская читальня, открывается детский клуб».

«Оренбургская дума не признаёт большевистской власти»

Лишь 9 ноября 1917 года «Южный Урал» известил о большевистском перевороте в Петрограде. Рядом опубликована телеграмма оренбургского губернского комиссара с предложением «всеми мерами пресекать всякие попытки, направленные к анархии в связи с выступлением большевиков».

Подписанное губернским комиссаром Архангельским, войсковым атаманом Дутовым, оренбургским городским головой Барановским сообщение для населения губернского центра

газета «Южный Урал» публикует 10 ноября 1917 года: «В связи с переживаемыми событиями – выступлением большевиков в целях сохранения порядка в городе Оренбурга и спокойной работы по подготовке выборов в Учредительное собрание с 9 ноября г.Оренбург объявляется на военном положении».

Резолюцию заседания гласных местной думы, состоявшегося 10 ноября 1917 года, «Южный Урал» напечатал полностью. Для вас, уважаемые читатели, краткая выдержка из неё: «Клеймя позором преступление против родины и революции, оренбургская городская дума не признаёт образовавшейся в Петрограде большевистской власти, требует немедленного возврата власти Временному правительству и Совету республики и призывает граждан Оренбурга сохранить полное спокойствие, противодействовать всяким контрреволюционным призывам и покушениям, откуда бы они не исходили».

Согласно сообщению представителя оренбургской прессы «на собрании в оренбургском цирке, устроенном большевиками 13 ноября, солдаты подавляющим большинством высказали протест и порицание выступлению большевиков, направленному к захвату власти».

С новыми ежемесячными нормами отпуска продуктов по карточной системе оренбуржцы познакомились через прессу 15 ноября: «муки 1 пуд (пуд – 16 кг. – Т.С.) 5 фунтов (фунт

около 400 г — Т.С.) на человека для семейных и 1 пуд 14 фунтов для взрослых рабочих одиночек; крупы 4,5 фунта на человека, сахар по 80 золотников (золотник около 4 г — Т.С.) на душу, чаю по 50 граммов, табаку по 250 граммов (исключительно мужчинам старше 14 лет)». Оренбургский городской голова через газеты обнародовал «новые двойные тарифы за пользование электроэнергией» — 1 кв. час стоил 55 копеек.

«Концерт дал возможность уйти от кошмарной действительности»

Номер «Южного Урала» от 15 ноября 1917 года оказался щедрым на информации о жизни мусульманского населения Оренбургской губернии. Здесь и репортаж с заседания архивной комиссии, посвящённого судьбе Караван-Сарая (предполагалась его национализация). Тут же размещено сообщение о закрытии газеты «Вакт» и издании с 14 ноября газеты «Янги Вакт» («Новое время»). Хроникёр «Южного Урала» известил о том, что «губернская земская управа обратилась к городской управе с просьбой о назначении стипендии для беднейших слушателей трёхгодичных педагогических мусульманских курсов, открываемых земством».

Революция революцией, а оренбургские кинотеатры продолжали работать. Электро-театр «Кино-Палас» с 18 ноября 1917 года демонстрировал драму в 6

частях «Хочешь мира, готовься к войне», в «Аполло» шёл «всемирно колоссальный боевик» с участием Сары Бернар «Слёзы бедных матерей».

Побывавший на концерте классической музыки оренбуржец, 18 ноября 1917 года, делился впечатлениями: «Концерт доставил переполнившей театр публике истинное художественное удовольствие и дал возможность хоть не надолго уйти от переживаемой нами кошмарной действительности в мир дивных звуков».

С 19 ноября в Народном доме (находился на месте театра музыкальной комедии — Т.С.) открыл сезон польский театр. В пользу польского общества помощи жертвам войны была поставлена пьеса Л. Старжинского «Звезда Сибири».

О торжественной панихиде на Форштадтской площади по казакам, юнкерам и офицерам, «убитым в борьбе с анархией», газета «Южный Урал» сообщила 20 ноября 1917 года. Представитель газеты «Оренбургский казачий вестник», информируя читателей о вечере, состоявшемся 23 ноября в городском театре «в пользу семейств казаков, павших в борьбе с анархией», утверждал: «Концерт прошёл с редким успехом. Затем организовали милое кабаре, затянувшееся до 2 часов ночи. В конце вечера с американского аукциона за 725 рублей была куплена бутылка шампанского. Всего в тот вечер было собрано около 4 500 рублей».

«Для борьбы с контрреволюцией»

В разделе «Хроника» 21 ноября 1917 года «Южный Урал» рассказал об аресте большевиков Коростелёва, Мискинова, Мартынова и других, а 23 ноября последовало уточнение, что основанием к задержанию послужили «устные призывы перечисленных лиц к восстанию против Временного правительства». Тогда же был подробно освящён ход заседания оренбургской городской думы, принявшей 21 ноября решение о создании комитета спасения родины и революции для «борьбы с захватом власти большевиками, с контрреволюцией».

На страницах «Южного Урала» 24 ноября 1917 года обнаружена резолюция мастеровых и рабочих депо станции Оренбург, протестующих против ареста членов исполкома совета рабочих депутатов и объявляющих голодовку.

Согласно публикации «Южного Урала» от 25 ноября в доме знаменитых оренбургских предпринимателей Хусаиновых общество приказчиков устроило «с целью усиления средств по выдаче пособия семьям призванных на войну лотерею-аллегри с 1500 выигрышами: среди которых облигации «Займа свободы», 2 ящика серебра, баран, чай, мука, сахар и другие».

По данным сотрудника редакции той же газеты от 28 ноября, «комитет спасения родины и революции поручил комиссару

добровольческой революционной армии формировать батальон для внутренней охраны города Оренбурга и окрестностей».

В заметке о ситуации в Оренбурге 29 ноября 1917 года сообщалось: «Вчера в Караван-Сарае местными большевиками организован революционный комитет под председательством Цвиллинга. Комитет постановил арестовать полковника Дутова, захватить власть, разоружить казаков и распустить их по домам. Но пока выносили резолюцию, казаки по распоряжению комитета спасения родины и революции окружили Караван-Сарай, арестовали большевистский комитет. Многие арестованные большевики отправлены на автомобиле в Павловку».

Электротheater «Люкс» 30 ноября пригласил на бенефис исполнительницы цыганских романсов Шуры Новиковой. Зрителям была обещана «совершенно новая колоссальная программа. Полный ансамбль труппы «Юмор». Представлены будут вампиры». В тот же день желающие посетили зал «Декаданс», где состоялся «Концерт-кабаре» в пользу «союза увечных воинов».

«Всякая попытка к погрому будет подавлена вооружённой силой»

Передовая статья в газете «Южный Урал» 1 декабря 1917 года начиналась с цитирования русской пословицы: «Если Бог кого захочет наказать, он того лишит разума. Неизвестно, Бог ли

лишил большую часть демократии разума или просто сама демократия не доросла до разума, но только она наказана. Наказана самым жестоким образом — голодом...»

Сообщая о забастовке мастеровских, депо, смазчиков и проводников станции Оренбург, корреспондент «Южного Урала» тогда же писал: «Движение поездов останавливается и сегодня-завтра, видимо, будет прекращено. Озлобленная забастовкой крестьянская и казачья масса отказывается выдавать хлеб и это обстоятельство в связи с прекращением движения грозит в течение ближайших дней вызвать катастрофу».

Публикуя 4 декабря 1917 года подробный отчет о заседании высшего органа власти губернского центра, редакция «Южного Урала» процитировала выступления думских гласных. Впрочем, всё по порядку. Приняв предложение о кредитовании комитета спасения родины и революции, заслушав доклад о ревизии городского банка, выделив пособие детскому саду, члены оренбургской думы, как записал присутствующий, — «без возражений» приняли доклад о расширении венеро-сифилитического отделения больницы с 30 до 60 кроватей».

А что же далее? Воспользуемся свидетельством очевидца: «Попутно с этим вопросом гласный Бродский вносит запрос: упразднены ли дома терпимости? Гласный санитарный врач Дегтярёв заявляет, что, хотя дома терпимости закрыты, но фактически они втихомолку существуют. Гласный

доктор Гречищев обращает внимание думы, что вместе с войной придётся десятки лет вести войну со злейшим врагом человечества — сифилисом...»

Широко в Оренбурге 5 декабря 1917 года отмечался День русского актёра. В городском театре состоялся спектакль и кабаре (в антрактах — японская лотерея). А в Народном доме согласно афише, опубликованной в газетах, организовали «кабаре с блинами».

Призыв от комитета спасения родины и революции опубликован в «Южном Урале» 6 декабря 1917 года: «Тёмные личности распространяют в городе провокационные слухи и призывают к еврейскому погрому. Комитет спасения родины и революции призывает граждан и солдат задерживать черносотенных агитаторов и препровождать их в управление милиции. Вместе с тем комитет предупреждает, что всякая попытка к погрому будет в зародыше подавлена вооружённой силой».

«Закон Божий отодвигается на степень не обязательного предмета»

О том, как революционные события 1917 года отразились на религиозной жизни оренбуржцев, расскажут сотрудники издававшегося 100 лет назад «Оренбургского церковно-общественного вестника».

Прихожане Воскресенской церкви г. Илецкой Защиты (теперь г. Соль-Илецк — Т. С.) ранней осенью вековой давности «сделали

постановление с выражением протеста против захвата синодальных и монастырских типографий советами рабочих и солдатских депутатов и с требованием возвратить эти типографии их прямым владельцам. Приговор препровождён Церковно-Епархиальным Советом в издательскую комиссию при Священном Синоде».

Невзирая на революционное время, «по доброму почину и заботами настоятеля Иоанно-Богословской церкви г. Оренбурга протоиерея А. Полотебнова при церкви открыта народная религиозно-нравственная библиотека. Книги отчасти пожертвованы самим устройтелем библиотеки и прихожанами, отчасти приобретены на средства, собранные путём церковного сбора. В годину, когда взоры всех прикованы к земле, когда забыты небесные идеалы, всякое подобное учреждение является отрадной звёздочкой среди мрачного осеннего неба».

В одном из сентябрьских номеров газеты «Оренбургский церковно-общественный вестник» опубликовано постановление собрания прихожан Серафимовской церкви г. Оренбурга: «Ознакомившись с воззванием членов Всероссийского съезда законоучителей о том, что в Петрограде готовится реформа средней и низшей школы, причём Закон Божий отодвигается на степень не обязательного предмета, постановили: просить Всероссийский законоучительский Союз ходатайствовать пред Временным правительством о том, чтобы при проведении реформы в

новой программе Закон Божий по-прежнему занимал место обязательного предмета в средней и низшей школе». «Мы хотим, — говорится в постановлении, — чтобы дети наши учились, прежде всего, истинам веры и нравственности христианской».

Политические метаморфозы довольно скоро отразились на подрастающем поколении. Хроникёр газеты «Оренбургский церковно-общественный вестник» 16 декабря 1917 года в сообщении под заголовком «Первая ласточка» писал: «Ученица 8-го класса 2-й оренбургской женской гимназии М. заявила председателю педагогического совета, что она не желает изучать Закон Божий. Ученица М-ва — дочь одного из местных жителей, деятеля партии социал-демократов».

«Священник избран орским городским головой»

Революционный 1917 год круто изменил судьбу некоторых представителей Оренбургской Епархии. Согласно публикации в «Оренбургском церковно-общественном вестнике» оренбургский губернский комиссар Временного правительства, «сообщая Духовной консистории, что священник г. Орска о. Владимир Пальмов избран орским городским головой, просил разъяснить — допустимо ли по церковным правилам совмещение сана и должности священника с исполнением выборной должности по городскому самоуправлению. Церковно-епархиальный

совет сообщил, что занятие священником должности городского головы не сопряжено со снятием или изменением сана».

Из «Резолюции служащих Духовной консистории по поводу вступления большевиков», опубликованной в «Оренбургском церковно-общественном вестнике», следовало: «Общее собрание служащих Оренбургской Духовной консистории, состоявшееся 7 ноября (20 ноября по новому стилю — Т.С.), после всестороннего обсуждения вопросов по поводу выступления большевистской партии и незаконного захвата ими в некоторых городах власти, единогласно постановило: «Присоединиться к вынесенной резолюции общего собрания служащих Оренбургской казённой палаты, предлагающей: 1) выразить доверие и благодарность Войсковому Правительству Оренбургского казачьего войска, юнкерам, частям местного гарнизона за те энергично принятые меры, благодаря которым до сего времени поддерживается в Оренбурге порядок и сравнительное спокойствие; 2) в случае выступления большевиков в Оренбурге и захвате ими власти, немедленно прекратить занятия в Оренбургской Духовной консистории впредь до восстановления нормального положения в городе; 3) войти немедленно в сношения с другими учреждениями г. Оренбурга по вопросу об организации обороны против большевистского движения».

Местный житель тогда же горевал: «В последнее время Оренбург

переживает острую нужду в продовольствии. Установленное количество хлеба выдаётся и в учебных заведениях с общежитиями, где порцию в 1 фунт приходится делить ученику на 4 части: два чая, обед и ужин. Ученики духовного училища не чувствуют себя никогда сытыми...»

«Ввиду крайней дороговизны содержания и отсутствия топлива Совет Оренбургского Епархиального женского училища постановил прекратить занятия с 1 декабря 1917 года по 1 февраля 1918 года».

«Вследствие недостатка денежных знаков»

На исходе революционного 1917 года оренбургский комитет спасения родины с войсковым правительством, городским и земским самоуправлением приняли решение о выпуске денежных знаков на сумму 30 миллионов рублей.

Управляющему оренбургским отделением государственного банка направлено письмо: «...ноября 30 дня (13 декабря по новому стилю — Т.С.) представители местной государственной и общественной власти, при обсуждении на совместном совещании тяжёлого положения края ввиду прекращения связи с центральной государственной властью и полного отсутствия денежных знаков в банках и на рынке, постановили: выпустить временные денежные знаки, которые должны приниматься во всех правительственных, общественных учреждениях и частными

лицами наравне с общегосударственными денежными знаками и подлежат своевременному обмену на общегосударственные кредитные билеты...»

Чуть позже один из оренбуржцев рассуждал: «Перерыв железнодорожного сообщения, удалённость нашего края от Петрограда, а также создавшиеся политические осложнения поставили г. Оренбург и его губернию в такие же затруднительные условия, как и другие места России. Оренбургское отделение государственного банка не получает кредитных денежных знаков от госбанка и несколько дней принуждено прекратить свои операции, а вместе с ним прекратили работы и частные банки. Таким образом, служащие в правительственных и общественных учреждениях не могут содержать свои учреждения, производить закупки хлеба, выдавать пособия солдаткам, частные банки и торговый люд за недостатком денежных знаков принуждены сокращать торговые обороты, не производить закупку товаров...»

«Оренбургское казачье войско — самостоятельная республика»

В Епархиальном женском училище (ныне корпус Оренбургского аграрного университета на ул. Челюскинцев — Т.С.) в декабре 1917 года заседал Войсковой круг оренбургского казачьего войска. По поручению «духовенства и мирян» протоиерей Чернавский приветствовал «сынов казачества

как стойких, мужественных и доблестных защитников Родины». Он поблагодарил их «за спокойствие в городе», охарактеризовал казачество «как оплот гражданской свободы и правового порядка».

Подводя итоги Войскового круга оренбургского казачьего войска, корреспондент «Южного Урала» писал: «Вследствие большевистского мятежа оренбургское казачье войско оказалось изолированным, отрезанным от всей России, подпавшей под самодержавие большевиков, и войско фактически станет представлять из себя самостоятельную республику».

Через газету «Южный Урал» на исходе 1917 года жителей Оренбурга известили о том, что педагогический совет и родительский комитет 1-й женской гимназии «единодушно вынесли постановление, чтобы в здании гимназии не допускались вечера с танцами. Поводом для такого запрещения послужили события переживаемого времени: государственная разруха, надвигающийся голод, печальные события повсюду и небезопасное положение здесь, что должно мысли направлять не к танцам, а в сторону отрезвления от того угара, который как пир на торжестве большевиков несётся по всем увеселительным местам».

«Оренбургский церковно-общественный вестник» информировал: «Во всех местных учебных заведениях предположенные для учащих увеселения на рождественских

каникулах по случаю тревожного времени отменены».

Тогда же стало известно, что «литературно-вокально-музыкальное утро учеников гимназии Бардина, назначенное на 31 декабря, по постановлению комиссии господ преподающих, ведающих устройством разумных развлечений в гимназии Бардина, переносится на Масленицу». Видимо, жители степного края надеялись, что борьба за власть будет не долгой.

«Красногвардейцы разбиты...»

Новогодние и рождественские праздники 100 лет назад наши земляки встречали в боевых условиях. Именно тогда обнародовано обращение совета оренбургского комитета спасения родины и революции: «Совет призывает всех граждан мужского пола, достигших 21 года, здоровых и способных нести оружие записываться у начальника милиции в городскую дружину, создаваемую для охраны города».

Управление постройки Оренбург-Орской железной дороги через прессу известило о том, что «за израсходованием запасов каменного угля для паровозов управление лишено возможности продолжать движение и таковое прекращается...»

В первый день января 1918 года газета «Оренбургское земское дело» поместила статью, начинавшуюся с вывода: «Ушёл навсегда от нас ужасный, кошмарный 1917 год, полный событий,

пронёсшихся через него со сказочной быстротой и хвативших бы при нормальном ходе вещей на несколько десятков лет!»

Автор публикации под названием «Новогодние думы» в «Оренбургском церковно-общественном вестнике» написал: «И стоим мы на рубеже изжитого года и выплывающего в буре междоусобий и кровавом зареве пожаров — года нового, не ведая, что ждёт нас впереди. Гибнет Русь родная, гибнет её юная свобода, её вековая мощь...»

Газета «Южный Урал» сообщила: «Ввиду того, что большевики, захватившие Бузулук, не пропускают в Оренбург закупленных для города хлебных грузов, губернским продовольственным комитетом приняты срочные меры к доставке хлеба через ближайшие станции», «По частным сведениям, силы наступающих на Оренбург большевиков не так уж велики».

Хроникёр газеты рассказал и о попытке захвата губернского центра: «По частным сведениям, отряд красногвардейцев, наступавший на Оренбург, воспользовался пассажирским поездом, прицепив свои вагоны. Таким путём красногвардейцы рассчитывали проскочить в Оренбург и действовать в тылу тех воинских частей, которые охраняют город. На одном из разъездов вагоны с красногвардейцами были оцеплены. Произошло вооружённое столкновение. Красногвардейцы разбиты...»

Бюллетени оренбургского комитета спасения родины и революции того периода гласили:

«Путь отступления большевистских частей отрезан нашими войсками, взорвавшими полотно железной дороги в тылу неприятеля. Наша артиллерия обстреливает эшелоны большевиков на разъезде № 16 (за станцией Каргала)», «Разъезд № 16 занят нашими войсками, причём взят аэроплан, оставленный большевиками при поспешном отступлении».

«События отрезали нас от всего мира»

Характеризуя ситуацию, сотрудник «Южного Урала» в середине января 1918 года в статье под заголовком «Отрезвление» писал: «События отрезали нас от всего мира. Мы живём как бы на острове среди волнующегося моря. Железная дорога должна была остановиться с той минуты, как большевистские эшелоны двинулись на Оренбург. Почта и телеграф также не могут связывать нас с окружающим миром. Мы питаемся только слухами. Призрак голода встаёт над всеми городами. Шайка авантюристов в Бузулуке лишила весь Туркестанский край продовольственных грузов.

Не такими путями можно вывести народ на светлую дорогу новой, лучшей жизни: не в пламени пожаров и не в крови создаётся народное благосостояние. Без внутреннего мира, без прочного порядка в государстве немислимо никакое развитие народного хозяйства».

Тем не менее, оренбургские электротeatры «Кино-палас»,

«Аполло», «Фурор» зазывали на «кино-драму» и «исключительный боевик настоящего сезона» с участием знаменитой Веры Холодной, «сверх программы» была обещана «комедия-фарс «Брачная газета».

Читателям «Гостиного Двора» предлагаю познакомиться с выдержками из «Воззвания гражданки», опубликованного на страницах «Южного Урала» в январе 1918 года: «К вам обращаюсь я с воплем душевным, ибо молчать не могу. Кто бы вы не были: преданные большевизму или его противники, неужели вы не чувствуете ужаса переживаемых дней?! Воскрес древний Каин, и кровь Авеля обагрывает родную землю. Я не буду односторонне называть Каином ни поборников большевиков, ни их противников: каждый убивший брата — Каин, всякий убитый братом — Авель. А у нас эти дни в нескольких верстах падают, обливаясь кровью, умирают наши братья, и что делаем мы?»

Если нам выпала доля быть свидетелями и участниками стихийных исторических событий — воспримем их с должной серьёзностью. Если содержатели увеселительных зрелищ не понимают, как неуместны в городе, облечённом в траур, свист и бубенцы петрушки — молодёжь, идите и закрывайте сами всякие зрелища...»

Союз женщин Оренбурга 13 января 1918 года провёл в гарнизонном собрании лотерею-аллегри с 1500 выигрышами: среди них — швейная машинка, 10 пар

галош, живой баран, 2 пуда мыла. Вырученные средства переданы на «оборудование общественных кухонь, прачечных и столовых, в которых сотни нуждающихся женщин найдут себе заработок».

«Положение создалось критическое»

Представители прессы подробно осветили обстоятельства крушения поезда, случившегося в середине января 1918 года: «После отступления большевиков солдаты, находившиеся в Бузулуке и ехавшие домой, заставили пустить три поезда — один за другим. Близ станции Платовка один поезд, шедший сзади, наскочил на другой, шедший впереди. Разбиты два вагона, которые сгорели. Убито 13 и ранен 21 человек».

В «Оренбургском земском деле» опубликована цитата из протокола, составленного солдатами и пассажирами на станции Сорочинская: «Товарищам большевикам, бросившим поезд № 4 и угнавшим паровоз, вагоны с хлебом, а также увёзшим аппараты и все средства сношения с ближайшими станциями и, таким образом, лишившим поезд возможности продовольствия и всяких сношений с внешним миром — объявить порицание за предательские действия по отношению к русскому солдату, возвращающемуся больным и голодным с поля защиты своей родины».

Рассказав о погребении жертв гражданской войны, корреспондент «Оренбургского церковно-

общественного вестника» подчеркнул: «Отдать последний долг героям-борцам за истинную свободу собралось множество народа». В заметке под заголовком «Поражение большевиков» сотрудник этого же периодического издания 20 января сообщал: «Попытка большевиков захватить в свои руки Оренбург окончилась для них полной неудачей: теснимые офицерским отрядом, юнкерами и казаками большевики спешно отступили к Самаре».

Но уже 24 января 1918 года в официальном отделе «Оренбургского казачьего вестника» напечатано: «Граждане! Снова нависла гроза над Оренбургом, снова враги света и правды пытаются добраться до Оренбурга... Для борьбы с ними необходимы различные технические средства, дающие возможность защитникам нести свою тяжёлую службу с меньшей затратой сил. В Оренбурге есть спортивные общества, есть лыжники. Вы, любители спорта, люди сильные телом и духом, сейчас должны прийти на помощь тем, кто отстаивает Оренбург. Вы на лыжах ускорите доставку снарядов к боевым линиям, доставку пищи. Угнаться за вами противник при наличии большого снега не сможет...»

На следующий день в разделе «Гражданская война» той же газеты оренбуржцы прочли: «Нашими войсками оставлен разъезд № 14. Противник ведёт энергичное наступление по направлению к Сырту. Положение создалось критическое».

«Осада Оренбурга закончилась победой большевиков»

Подписавшись псевдонимом «Рефлектор», сотрудник редакции «Оренбургского казачьего вестника» в конце января 1918 года в статье под названием «Толстокожие» делился своими размышлениями: «Город переживает страшную минуту: удастся горсти самоотверженных защитников общего блага устоять под натиском большевистских банд — город уцелеет; не удастся — будет предан на поток и разграбление разнузданной черни не менее разнузданных «победителей». Газета «Оренбургский церковно-общественный вестник» рассказала о «зверствах большевиков»: «На станции Ново-сергиевка, по занятии её нашими войсками, в помойной яме найден труп юнкера, обезображенный до неузнаваемости...»

Рядом опубликована информация об итогах выборов в Учредительное собрание. От Оренбургской губернии в его состав вошли 11 человек — среди них войсковой атаман А.И. Дутов, большевики А.А. Коростелёв, С.М. Цвиллинг.

Цены на предметы первой необходимости в то время резко возросли из-за их дефицита. В прессе промелькнуло известие о том, что если перед Рождеством фунт керосина стоил 17 копеек, то вскоре — уже 2-3 рубля (у спекулянтов). Фунт сахара можно было купить за 6 рублей, а муки за 25 рублей.

Радел «Хроника» этой газеты 27 января 1918 года завершила

тревожная информация: «Успокоившееся было после первого нашествия большевиков население Оренбурга снова взволновано их вторичным движением на город. На этот раз наступление большевиков ведётся с двух сторон — от Ташкента и от Самары. Главный контингент большевистского отряда составляют матросы. В Оренбург каждый день привозятся раненые».

Осада Оренбурга закончилась победой большевиков. Утром 30 января стало известно, что защита губернского центра доживает последние часы. Учреждения и частные лица спешно эвакуировались.

Современник событий позднее опубликовал свои наблюдения: «Покинули город все крупные коммерсанты, многие жители Форштадта и офицеры. Комитет спасения прекратил своё существование. Вечером город вымер. К вечеру местные большевики образовали отряд Красной гвардии и, заняв вокзал, стали готовиться к встрече. В 1 час ночи прибыли первые эшелоны и разместились в Неплюевском корпусе (ныне корпус Оренбургского государственного медицинского университета на Парковом проспекте — Т.С.). Немедленно был арестован на квартире после обыска городской голова Барановский. Газеты «Оренбургский край», «Южный Урал», «Рабочая заря» закрыты. Войсковой старшина А.И. Дутов перед приходом большевиков выехал из Оренбурга».

Так было...